
ТЕОРЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

Л. С. Клейн

ПОЛЕВОЙ ДНЕВНИК АРХЕОЛОГА (памятка)

Leo S. Klejn. A Field Journal of an Archaeologist.

In this text instruction is presented which was written by Leo S Klejn more than thirty years ago to his students in the expedition. By this instruction he taught his students how to write a field journal of an archaeologist.

Этот текст был написан мною в поле во время раскопок в конце 60-х – начале 70-х годов XX века. Я тогда вел на кафедре археологии Ленинградского университета курс методики полевых исследований, а в поле руководил Новочеркасской археологической экспедицией Ленинградского университета. Текст родился из проверки и правки полевых дневников студентов и стал пособием для моих начальников участков и отрядов. Для предосторожностей, рекомендуемых в этом тексте, основанием послу-

жили не только типичные студенческие ошибки, но и мои собственные огрехи (особенно касательно почерка). Некоторые детали устарели. Тогда шариковые авторучки только входили в оборот, а ныне в полевую фиксацию входят компьютеры, но пока они еще не вытеснили ручной способ записи, как фотоаппарат не вытеснил полевой чертеж вручную. Принципиальные же положения моей инструкции остаются неизблевыми. Поэтому я решил обнародовать ее для общего пользования.

1. ПОЛНОТА СВЕДЕНИЙ

1. Раскопки – это эксперимент, который повторить невозможно. **Всякие раскопки неизбежно сопровождаются разрушением памятника.** Бывает (при спасательных работах), что акценты меняются: разрушение сопровождается исследованием. Так или иначе, они взаимосвязаны.

Всякий пропуск в наблюдениях означает, что в этой части разрушение не сопровождалось исследованием. Но тогда остается одно разрушение, а это – преступление.

Разведка не разрушает памятника, но разрушение может постичь памятник вскоре после визита разведчика, и разведчик будет последним, кто видел этот памятник. Никто здесь не увидит больше, чем увидел он.

Поэтому наблюдения проводятся по максимально широкой программе. Собираются и те сведения, которые для самого исследователя в данное время не нужны.

2. Методы исследования совершенствуются, а требования к объему наблюдений и их программе возрастают. Мы не знаем, какие сведения могут понадобиться нашим преемникам. Поэтому **собирать надо и те сведения, которые не только для самого исследователя, но и вообще для современной науки не имеют значения**, не входят в стандартную программу сбора информации, не поддаются объяснению и использованию. Археолог должен записывать всякую ерунду: он ищет ответы на вопросы, которые никто не задавал. Конечно, набор их безграничен; что ж, приходится положиться на интуицию и исходить из практических возможностей.

Вряд ли есть смысл и возможность подсчитать количество песчинок в могиле, но учесть расположение и форму пятен охры в могиле стоит, хотя мы еще не знаем, кто и как сможет это использовать. **Всегда лучше запи-**

сывать в дневник нечто лишнее, чем что-то упустить. Если не уверен – всё-таки зафиксируй, колеблешься – не выбрасывай, сомневаешься – сохрани. Выбросить всегда успеешь, а вот вернуть выброшенное, вспомнить незаписанное...

Известна притча о двух знаменитых старых русских археологах (Веселовском и Бобринском), копавших одну могилу и заспоривших, как лежал меч – в ногах или в головах. А землекоп вспомнил, что меч лежал сбоку покойника.

3. В дневник заносятся все наблюдения (хотя бы малейшие), связанные с проводящимися исследованиями. Человеческая память несовершенна, а воспоминания – не научный документ. Исходить надо из принципа: **не записанное наблюдение – не было сделано.** Пропуск в фиксации – то же, что пропуск в наблюдении. Преступление там – преступление здесь. Следовательно, как при раскопках, так и при разведке **научным исследованием является только та работа, которая отразится в дневниках и прочей фиксации.** Вся остальная работа оказывается излишней и даже (при раскопках) преступной. Находки тоже отразятся в фиксации, но фиксация не отразится в находках. В известном смысле, **фиксация (дневники и планы) – это то, ради чего проводятся разведки и раскопки.** Пусть это не самоцель их, но это – цель. А это так часто забывают! Помни – в экспедиции есть три господина: дневник, чертеж и фотоснимок. Для них весь тарарам. Все остальные – слуги.

4. Собранная информация в большой мере зависит от того, каким способом проводилось исследование – кто, когда и как его проводил. Например, отсутствие бусинок в засыпи ограбленной могилы можно объяснить тем, что их там и не было, а можно – тем, что землю при раскопках не просеивали через сито, не разбивали комков, копали быстро. В некоторых слу-

чаях возможности получить ту или иную информацию взаимоисключаются: либо конфигурация в плане, либо в профиле, и т. п.

Поэтому **фиксации подлежат не только памятник, но и ход его раскопок, не только результат, но и процесс исследования.**

Что окажется перед исследователем, который займется реконструкцией прошлого по результатам раскопок? Отнюдь не само прошлое и даже не его остатки, а материалы раскопок, добытые в разное время и по-разному. Чтобы основательно реконструировать раскопываемый объект, исследователю придется мысленно восстанавливать и ход раскопок. Задача раскопщика – обеспечить ему эту возможность.

5. Бич полевых дневников – забывчивость и элементарная лень их авторов. Отметили направление, но забыли указать расстояние, и наоборот. Или дали только одну координату, одну засечку. Или не указали, от какой или до какой точки замерена глубина, а то и вовсе забыли измерить глубину. Т. е. забывают спросить себя на каждом шагу: а всё ли я отметил, что нужно в данном случае, не упустил ли чего.

Надо **начинать** каждую запись или чертёж именно с тех элементов, которые обычно забываются, а не оставлять их на конец – начинать с заглавия, условных обозначений, подписи, компасной ориентировки, масштаба, замеров и т. п.

Таким забывчивым авторам полезно заставлять себя и всегда иметь перед глазами анкеты – нормативные списки тех сведений, которые необходимы при описании каждого объекта: кургана, могилы, отдельной находки, сосуда, скелета, жилища, печища и т. п.

И, наконец, ни в коем случае не оставлять пробелы в записях на месте цифр и знаков в надежде поставить их потом, позже, завтра, сегодня после обеда. Будьте уверены, эти пропуски так и останутся белыми пятнами.

II. ДОКУМЕНТАЛЬНОСТЬ

1. Все результаты исследования должны отлиться в такую форму, в которой они будут обладать наибольшим авторитетом, пользоваться доверием, чтобы все исследователи знали, что могут положиться на эти данные, использовать в науке, класть в основу дальнейших исследований. Всё оформление результатом должно подчеркивать: это не вымысел, не забава, а серьезное дело, имеющее обществен-

ную санкцию, предназначенное для служения науке.

Иными словами, форма, в которой фиксируются исследования, **рассматривается как документ.**

Это означает, что записи ведутся в соответствующих выражениях, скрепляются подписью ответственного лица и краткими сведениями о его научной квалификации (звание,

должность и т. п.), получают стандартные официальные наименования, в которых отражается место данного документа в более обширной системе учета документации (в архиве данной экспедиции – номер документа и т. п.).

2. Поскольку фиксации подлежит и процесс исследования, а также учитывая, что протокольный характер увеличивает достоверность документации, укрепляет ее авторитетность, зарубите себе на носу: основной учет информации ведется **в форме журнала текущей записи**, дневника. Информация фиксируется **по мере поступления**, каждый день, и не раз в день, а тотчас, без откладывания, еще в поле (слова «полевой дневник» – не пустая фраза!). Совершенно недопустимо записывать все вечером дома или в палатке, или – еще того хуже – сразу за ряд дней. Ведь тогда в записи вместо непосредственных наблюдений предстанут более или менее свежие воспоминания.

Полевой дневник – это большой непрерывный и многодневный протокол.

Нам нужно учиться у криминалистов. Ведь археолог – это следователь, опоздавший к месту событий на тысячу и более лет. А профессия детектива – старше нашей. У юристов

давно отработаны правила строжайшего протоколирования всех следственных и судебных действий. В археологию эти правила проникали не только по аналогии, но и непосредственно – во время судебных процессов (с участием археологов) о фальсифицированных древностях. Протокол – это еще и возможность если не избежать фальсификаций, то облегчить их разоблачение.

По этой причине я против замены полевого дневника анкетными бланками для каждого типа сооружений и находок. Они полезны – помогают выдержать полноту описаний, но полезны только как дополнение дневника.

3. Как и полагается в документах, все страницы дневника нумеруются заранее. Помарок желательно избегать, изъятие страниц не допускается. Текст, который нужно дезавуировать (объявить недействительным), не ликвидируется вовсе, а зачеркивается одной линией (так, чтобы было видно, что именно зачеркнуто). Все необходимые исправления производятся не по старому тексту, а над ним или сбоку, на полях. При этом делается отметка тут же на полях дневника о том, кем, когда и почему внесено данное исправление.

III. ОБЪЕКТИВНОСТЬ И ТОЧНОСТЬ

1. При фиксации объективность наблюдений надо не только соблюсти, но и сохранить в передаче. Для сей цели, как это ни парадоксально, психологически необходимо принять установку: записывать не то, *что есть* («на самом деле») или *было* («первоначально»), а то, *что видишь* («что кажется»)! Ибо переход от того, «что кажется», к тому, «что есть», уже включает в себя дополнительную дозу субъективного фактора – реконструкцию, объяснение, домысливание.

2. Другое дело, что и то, что видишь, бывает разной степени очевидности. Одно, сколь бы поверхностными ни представлялись впечатления, «кажется» всегда и каждому одинаковым. Другое и «кажется»-то по-разному – то так, то этак. То кажется, что пятно вырисовывается в полу раскопа, то – что его нет. То – что в бровке два слоя, то три.

В случаях таких колебаний можно применить несколько рецептов:

а) отмечать степень своей уверенности в очевидности факта;

б) менять условия и средства наблюдений (через фильтры, с опрыскиванием водой и т. п.)

и записывать, при каких условиях как проявляется явление;

в) опрашивать несколько наблюдателей и записывать результаты опроса (в простейших случаях – фиксировать только точку зрения большинства). Людям, страдающим излишком самоуверенности, полезно это делать и при отсутствии колебаний, почаще.

3. Иногда полагают, что исследователь не вправе заносить в дневник свои предположения, гипотезы, впечатления. Это неверно. Наоборот, он и их не только вправе, но и должен фиксировать, так как в этих свежих заметках может оказаться какая-то ценная, хотя и смутная информация об объектах, которая легко способна ускользнуть от внимания и будет полностью утрачена.

Но важно строго **отделять свои субъективные предположения от объективно наблюдаемых факторов**. Излагать их порознь, четко и недвусмысленно озаглавливая те и другие, чтобы читателю стало ясно, где кончаются первые и начинаются вторые. Лучше показаться наивным и смешным в своем разжевывании этих разъяснений, чем допустить читателя га-

дать, имеет ли он дело с фактами или с предположениями или – что хуже – допустить его принять предположения за факты.

4. Объективная регистрация фактов означает прежде всего выделение и учет всех простых качественных характеристик наблюдаемого материала, о которых можно сказать «есть» или «отсутствуют», «да» или «нет». Есть ли в могиле кости, кремль керамика и т. п. Регистрация должна быть максимальной по учету, но минимальной по содержанию: регистрируется пятно ямы, но могилкой она будет определена только тогда, когда появятся признаки этого.

5. Все оценочные характеристики (гладкий, ровный, прямой, грубый, совершенный, несовершенный и т. п.), включая цветовые (палевый, красноватый и т. п.) относительны. Восприятие их в значительной мере субъективно, а при передаче возможны дополнительные искажения. Поэтому желательно как можно чаще прибегать к оценке по общепринятым стандартным шкалам определений (цветовой гаммы, твердости и т. п.) или *сравнению с общеизвестными постоянно одинаковыми явлениями*, способными послужить в качестве эталонов (величиной с куриное яйцо, цвета ржавчины и т. п.).

6. **Всё, что можно измерить, надо измерить.** При записи каждый раз излишне указать способ измерения (нивелир, уровень и т. п.) и единицы измерений, потому что намерение все выдержать в одних и тех же единицах (например, в миллиметрах), обозначенных в преди-

словии, обычно держится лишь первые два – три дня, а потом из-за своей непрактичности отбрасывается и остается благим пожеланием. А результатом могут быть цифры без указания единиц, совершенно непонятные в «переходный период» от строгого соблюдения единообразия мер к свободному выбору единиц.

7. Необходимо давать точные определения измеряемой величины (что принимается за начало и конец, от чего до чего меряем). «Длина ямы» – слишком неясный термин: по-низу или по-верху? По центральной оси или в месте наибольшей длины (если они не совпадают?), и т. п.

8. Точность бывает разной, а числа – круглыми, целыми и дробными. Не всегда легко понять, чем вызвана круглость или целостность числа – действительным размером измеряемого объекта или примененной степенью точности измерения. 10 и 20 – это точный подсчет или один и два десятка? Еще менее понятно, когда в самой оценке указана приблизительность («ок.», «прибл.», «примерно», «почти», «свыше»).

Поэтому, чтобы быть точным, надо указывать и меру точности («с точностью до...», «выражая величину в мерах такого-то порядка» – десятках, целых числах и т. п.).

9. Точность, однако, не должна быть глупой. Нет смысла измерять диаметр кургана в мм или см, коль скоро сами границы его обладают неопределенностью большего порядка (обычно диаметр измеряют с точностью до метра, а высоту до 5 см или до 1 см).

IV. ПРОЧНОСТЬ

1. Вся морока с фиксацией – мартышкин труд, если запись не сделана прочно и надолго, если не обеспечена ее сохранность. Это зависит не только от полевого археолога, но если не позаботится в первую голову он, то остальным (архивариусу, музейному работнику, библиотекарю и т. п.) не о чем будет заботиться.

Поэтому археолога не должно ни на миг покидать чувство ответственности за судьбу дневника и всех приложений (чертежей, рисунков, фото) – как и самих находок, – и он должен засыпать и просыпаться с мыслью: цел ли дневник? Все ли чертежи принесены с поля? На месте ли все записи и пленки? Полезно, чтобы у них было в экспедиционном лагере свое место – легче будет проверять. Также и в поле не стоит бросать дневник куда попало – где сидел или стоял, на бровку, на дно раскопа, на отвал, в тра-

ву или под кустик. Затреплет ветер, засыплет отвал, забудет археолог. Для дневника должно быть оборудовано в поле постоянное место, укрытое от ветра и дождя (лучше всего у центрального репера или поодаль от раскопа у места сбора находок). Если заслона от ветра и дождя нет, то надо иметь наготове полиэтиленовый футляр и тяжелый предмет (скажем, камень) – для того, чтобы всегда можно было спрятать и придавить дневник после записи. Можно держать его всегда в полевой сумке, не снимаемой с ремня, но это бывает не очень удобно.

Отвечать за сохранность дневника должно постоянное лицо (лучше всего – автор).

2. Все же утеря возможна (авария машины, стихийное бедствие, внезапное заболевание археолога, нарушение правил хранения и т. п.).

Поэтому на титульном листе дневника должно быть записано обращение к нашедшему с просьбой вернуть дневник по такому-то адресу.

3. Прочность фиксации зависит также от выбора средств записи – тетради прочной (чтобы не расшилась), толстой (чтобы надолго хватило одной тетради и удобнее было писать), с прочной водонепроницаемой обложкой, с хорошей бумагой (на которой держится карандаш и не расплываются чернила), лучше в клеточку (удобнее для зарисовки в масштабе).

Предпочтение карандашу или авторучке с чернилами вызывало споры, но здесь много значит условия работы экспедиции. Карандаш быстро стирается при листании, под действием ветра и пыли. Чернила выдерживают их лучше, но опасность, что все расплывается и смывается при первом же дожде, побуждает отказаться от них везде, кроме безводной засушливой

зоны. Последние образцы шариковых ручек с пастой соединяют в себе многие преимущества карандаша и чернил и поэтому успешно вытесняют и то и другое. Карандаш остается незаменимым для зарисовок, так как позволяет стирать и тут же исправлять неудачно схваченные детали. Карандаши лучше брать средней мягкости: не слишком мажется, не так легко стирается сам от листания, не оставляет царапин на месте линий, стертых резинкой.

4. Чтобы обеспечить сохранность дневника, его полезно скопировать для себя, а оригинал вовремя сдать в архив государственного археологического учреждения, лучше – центрального и (можно копию) в ближайшем от раскопок месте. Ну конечно, наиболее действенное средство увековечить дневниковую запись – это поскорее опубликовать в печатном издании ее основное содержание.

V. ЯСНОСТЬ

1. Задача заключается в том, чтобы донести информацию до читателя дневника именно в том виде, в котором она освоена автором. Простота задачи – кажущаяся. Сложность ее – в том, что надо обеспечить не только то, чтобы читатель мог понять написанное так, как задумал автор (это тоже нелегко), но и то, чтобы читатель не мог понять написанное еще и иначе. Такую возможность надо у читателя отнять, а это очень нелегко – автора подстерегают психологические подвохи (которые далее рассмотрим по отдельности). Общее средство избежать их – после каждой написанной фразы задавать себе два вопроса: 1) достаточно ли я сказал, чтобы эту фразу правильно поняла деревенская старушка-няня? 2) не сумеет ли ехидный казуист-пенсионер, придавая словам другие значения, вычитать из моей фразы то, чего я не хотел сказать?

2. Первый психологический подвох состоит в том, что автору свойственно переносить свой тезаурус на читателя, т.е. представлять себе читателя обладающим всеми теми сведениями, которыми обладает автор – тем же запасом знаний, опыта, соображений и заметок. А на деле у читателя их нет.

Автор знает все тонкости катакомбного способа погребения и инвентаря и крестит без пояснения обнаруженные явления терминами «сосуд донецкого типа», «жаровня», «подбой» и т. п., оставляя читателей гадать, что это такое, а других – раздумывать, в самом ли деле лаконичный автор нашел то, что и они понимают под этими терминами, или там нечто похожее, но иное.

Особенно ярко этот подвох выступает в использовании узколокального археологического жаргона. Например, донские археологи часто щеголяют термином «карась» (так они называют широкие ножи) или выражением «катакомба села на яму». Самый опытный археолог другого круга ни за что не догадается, что означает здесь слово «села»: «прорезала» или «врезалась», «вошла», «нарушила», «проецируется», «оказалась сверху», «опустилась в подвал» и т. п. «Скорченник», «шнуровик», «ямник», «катакомбник», «срубник» – все это узкопрофессиональный жаргон, к тому же условный: кого относить к «ямникам»?

Лучше уж такому автору посоветовать ориентироваться на читателя менее интеллектуального и эрудированного, чем он сам. Более интеллектуальный и эрудированный будет за это только благодарен. Во всяком случае, надо помнить, что пишешь не заметки для себя и не письмо близкому приятелю.

3. Второй психологический подвох: автор не только переоценивает прочность своих свежих впечатлений, но и вообще с большим трудом отвлекается от окружающей конкретности раскопа. Он не только мысленно увековечивает свою позицию, свои наблюдения и зрительные впечатления, но и переносит их на читателя. А между тем то, что автору представляется очевидным (в буквальном смысле), само собой разумеющимся, ясным и не нуждающимся в размышлениях, читателю не видно и не известно. Автор обращается к нему с недомолвками, на-

меками, стяжениями, перепрыгивая через необходимые слова и фразы.

«За бревном», – указывает он, забывая, что читатель не стоит рядом с ним в раскопе и что сам он (автор) тоже через момент сменит позицию. «В яме», – пишет он, забывая, что только что говорил о трех разных ямах, и читатель (а может быть, и сам он позже) будет гадать, последнюю ли из этих ям автор имел в виду.

Тому, кто не умеет отвлекаться от окружающей конкретности и переключаться на позицию отсутствующего читателя, полезно представлять себе своего воображаемого собеседника сильно подслеповатым, если не совсем слепым.

4. Третий психологический подвох (связанный с предыдущим) состоит в том, что автор обычно недооценивает неопределенность многих выражений. Они кажутся ему достаточно определенными для создания ясной картины у читателя. «Выше», «ниже», «дальше», «ближе», «возле», «около» и т. п. – так и сыплются из-под пера, а требования уточнений он встречает недоумением: «К чему такая упомопрачительная точность?!»

Он забывает, что неопределенностям свойственно накапливаться и умножаться в сильной прогрессии: если о положении двух находок сказано только, что каждая из них «выше» третьей, но не уточнено, насколько выше, то уже превышение одной из них относительно другой установить невозможно без отдельного указания. А если таких сопоставляемых находок десять, то количество необходимых отдельных указаний возрастет до 90, при двадцати находках (скажем, камнях) – до 380 и т. д. В той же мере возрастет и неясность всей картины.

5. Четвертый психологический подход состоит в том, что автор обычно не учитывает двусмысленность и многозначность многих слов и выражений, если в контексте они употреблены без дополнительных детерминант (определений, ограничений).

«Выкид» и «отвал» – понятия разные. Слово «выброс» нередко заменяет термин «выкид». Но если оно в контексте хоть раз заменит слово «отвал» («выброс из раскопа»), то выражение «выброс из могилы» станет двузначным. «Погребение снято» – как это понимать: разобрано или сфотографировано? «Открытое поселение» – обнаруженное или не-пещерное? «Скелет лежал головой на восток, ногами на север» – многозначная фраза: есть минимум три возможных положения скелета, удовлетворяющих этим условиям, но остаётся ещё и подозрение, что

автор стоял так, что голова скелета была к востоку от наблюдателя, а ноги – к северу от него. «Двуслойный памятник» – а что понимается под термином «слой»? Любое отграниченное наслоение или наслоение отдельной культуры, отдельного периода, со стерильной прослойкой и т. п.?

Особенно характерны ситуации с несколькими возможными пунктами отсчёта или центрами ориентировки. «Третий столб» – а с которого конца? «Крайний камень» – но у сооружения много краев.

«Справа от скелета» или «по правую руку от скелета» – указывает автор, предоставляя читателю гадать, чья правая рука имеется в виду (верно было бы: «по правую руку покойника» или «к западу от скелета»).

Острые ситуации создаются также путём применения одного и того слова в его разных значениях в одном и том же контексте. «Возле таза покойника найден медный таз, а у коленной чашечки – глиняная чашечка. Под тазом лежал скребок, а под чашечкой – нож». Читателю предоставлен выбор, под которым тазом поместить скребок и под которой чашечкой – ножик.

Здесь неясность открытая. Но достаточно опасна и весьма коварна скрытая неясность, когда слово использовано только в одном значении, но второе по небрежности не исключено автором. Если указано, что «в 10 см от колен найдена чашечка», то этого уже достаточно для колебаний, если не пояснено «глиняная чашечка» или «чашечка (кость ноги)».

Легко сказать: не употребляй в одном контексте слово в разных значениях. Или: старайся вообще пользоваться однозначными словами и выражениями. А если нельзя обойтись без многозначных? Что ж, надо прибегать к пояснениям, детерминантам, указаниям на исходный пункт ориентировки и т. п. А это значит – после всякой фразы проверять себя: все ли слова и выражения в ней имеют один смысл, если нет, то какие ещё значения у них есть, возможные в данном контексте, и не может ли это запутать читателя?

6. Пятый психологический подвох состоит в том, что автор преувеличивает догадливость читателя и забывает о естественной готовности читателя воспринимать все слова в научном контексте как научные термины, то есть видеть за каждым словом одно значение, за разными словами – разные значения. Такой автор, ничтоже сумняшеся, для пушей художественности, для обогащения языка, ради стилистических красот, то и дело именуется одну и ту же вещь (или одно явление) разными словами. Он пишет

то о «шахте», то о «колодце», то о «дромосе» или «входной яме», имея в виду одно и то же или аналогичные сооружения, а читатель склонен полагать, что речь здесь идёт о разных сооружениях, коль скоро они по-разному именуются. А между тем придерживаться в одном тексте одной терминологии не так уж трудно. Только надо помнить: **для каждой категории находок, сооружений и т. п. в твоём арсенале – один и только один термин. Чехарда синонимов – не для дневника.**

7. Ещё более склонен бывает автор преувеличивать догадливость читателя, вываливая на него нагромождения неименованных и нумерованных однообразных данных. Такому автору свойственно испытывать и перегружать своими задачами остроумие читателя, его память, внимательность и трудолюбие, заставляя распутывать длинные описательные указания, относящиеся к некоторым деталям.

Несколько облегчается работа читателя и увеличивается ясность текста, если автор будет избегать неясных и путающих описательных указаний типа таких: «то бревно, которое соединяет одно из двух коротких с обломанной плахой, направленной к печи», или: «то пятно, которое обнаружено позже в СВ секторе раскопа». Лучше, если вместо этого все объекты одного порядка (все ямы, все пятна, все погребения, скелеты, отдельные находки, камни, балки, землянки, печи, очаги и т. п.) получат постоянные названия, обозначения, номера!

8. Иной раз одному археологу при раскопках приходится наблюдать сразу за несколькими объектами (памятниками, раскопами) или за одним очень большим разветвлённым объектом. Бывает, что производственная необходимость требует переброски археолога с участка на участок. Если археолог рассматривает полевой дневник как свой личный документ, как отражение своей личной работы в экспедиции, то в дневнике появляются перемежающиеся сообщения о ходе работ на разных объектах, и такой дневник напоминает современный роман.

Во избежание ненужных усложнений и путаницы полевой дневник надо связывать прежде всего не с личностью археолога, а с определённым удобно выделяемым объектом исследования – памятником, раскопом или участком. Он должен быть не слишком большим – чтобы читатель при чтении не утрачивал нить смысловой связи событий в каждом месте участка (такая нить разрывается, если приходится перескакивать через очень большие описания событий в других местах). В то же вре-

мя нельзя и излишне дробить объекты, потому что тогда затрудняется обозримость общих контуров исследуемых явлений, а дневников становится слишком много и в их умножении возникает новый источник путаницы. Мера определяется практикой, опытом, традицией.

9. Логичность, последовательность, систематичность нужна и в самих описаниях каждого участка работы и на каждом этапе. Трудно вообразить, как часто читатель спотыкается о беспорядочность, хаотичность описаний. Многие авторы не имеют никакой системы в описаниях – они описывают однотипные объекты каждый раз в новой последовательности, и вообще фиксируют то, на что случайно падает взгляд в данный момент, бросают мысль и сюжет на полуслове, перескакивают через какие-то части, возвращаются снова к брошенным сюжетам, повторяют уже описанное, создавая невероятную путаницу. Чёрт сломит ногу в этой крошке сведений!

В описаниях надо придерживаться определённого, заранее продуманного и объяснённого плана, всегда одного и того же. Скажем, **от ранее появившегося к появляющимся позже деталям** (при описании внезапно открывшегося крупного объекта или в конце расчистки), **от старших (ранних) частей к младшим (поздним)** при мысленной реконструкции и т. п. Сначала подумайте, что и как вы будете описывать, а уже затем пишите. Бумажки с черновыми описаниями, если их тут же переводят набело в дневник, а не припрятывают взамен дневника для переработки когда-то потом, вполне допустимы.

10. Ясность дневников очень часто страдает от языковой небрежности, от неточного и неправильного выбора слов и выражений. Понять такие места зачастую просто невозможно: «скелет лежал с запрокинутыми ногами», «скелет с загнутыми ногами» (вместо «скорченный скелет на спине с ногами, упавшими в сторону») и «скелет с подогнутыми к туловищу ногами»).

Частную категорию таких неправильностей составляют диалектизмы – они не только затемняют речь и затрудняют понимание (все ли сразу поймут, что такое «глей», «куга», «бобак» и т. п.?), но и способны внести путаницу: жители степей иной раз в русском тексте употребляют слово «могила» вместо «курган», «черепок» вместо «череп», «черепашка» вместо «раковина». Помочь здесь ничем нельзя. Тот, кто знает за собой такой грех, должен почаще давать свой дневник на проверку человеку с хорошей, правильной литературной речью.

11. Ужасающую путаницу вносит общая языковая малограмотность авторов. Неверное управление предлогов падежами, несогласование местоимений с существительными, столкновение схожих форм разных падежей... «Далее углом первым глиняным стенам придаётся направление на запад» – к углу или к стенам относится порядковое числительное «первым»? То и дело натыкаешься на повисшие в воздухе местоимения «он», «она», «оно», «его», слова «последняя», «какое», «который» и пр., когда перед тем выставлены на подбор несколько существительных, способных претендовать на связь с этими словами. Ещё чаще встречается неправильная замена существительного местоимением (когда перепрыгивают через другое существительное): «Кувшин стоял возле ножа. Ручка его в сечении овальная». Чья ручка? По замыслу – кувшина. А по тексту выходит – ножа.

Помочь здесь ещё труднее, чем в предшествующем случае. Просто человеку, который обычно так пишет, нельзя поручать вести дневник.

12. Немаловажное значение для ясности дневника имеет почерк. Памятные заметки для себя и письма близким друзьям вы имеете право писать любым почерком – это ваше личное дело. Но **полевой дневник должен быть написан, чтобы его можно было не расшифровывать, а читать** – и читать без малейших затруднений и ошибок! Если почерк у вас плохой, невнятный, и переделать его вы вообще не в силах, то либо диктуйте ваш дневник, либо вам придётся отказаться от скорописи, от беглого письма. тогда извольте выводить каждую букву и цифру. Быть может, удобнее переписывать дневник вечером медленно и тщательно, но тогда это нужно делать каждый день.

Особенно путаются буквы *л-и-н-п, т-ч, г-ч, м-ш-т, и-а, а-о* и др. «На один раз», «не один раз» и «но один раз» – это же разница! Среди цифр у некоторых борзописцев трудно отличить 1 от 4 и 7; 2 от 7; 4 от 9; 2 от 3; 6 от 0; 5 от 8 и от латинской буквы S. Поскольку, в отличие от букв в слогах, здесь соседние знаки не могут скорректировать понимание, **цифры надо выписывать особенно тщательно**. Перед тем, как вывести цифру, приостановитесь, сделайте вдох и вспомните: чёткая цифра – одним читательским проклятием в адрес автора меньше. Рисуем цифру, выдох.

Крупный почерк легче сделать ясным, но умеренно мелкий почерк предпочтительнее: повышается обозримость текста (больше умещается на странице), облегчается поиск информации.

13. Сокращений вообще следует избегать, кроме стандартных и общепринятых (м, см, погр., кург., кв., транш., и т. п.). Многие авторы склонны злоупотреблять сокращениями, преувеличивая понятность своих личных аббревиатур для читателя и на каждом шагу предлагая читателям загадки вроде «ц.р.», «п.п.», «н.р.» («центральный репер», «погребённая почва», «новый репер») и даже «ц.к.» («центральный кол»).

Ну хоть дали бы на первой странице список таких сокращений, что ли...

14. Нельзя делать помарки в дневнике – исправлять букву или слово, жирно вписывая новое на старое. Такие помарки лишь грязнят текст, делают иные куски невразумительными, рождают недоумение (разница в жирности линий старых и новых букв может оказаться слишком незначительной).

Допустимы только ажурные зачёркивания и вписывание нового текста над старым или на полях или вообще на новой странице (с ссылкой на месте зачёркивания) – смотря по размеру вставки.

15. Ясность можно резко повысить, используя средства наглядности – схемы, наброски планов, зарисовки, аксонометрические наброски и пр., предпочтительнее линейного, графического характера. Их лучше всего делать на обороте предшествующего листа, карандашом. Разумеется, необходимо пометить, что именно изображено, к какой странице относится, условные обозначения, и нумеровать сами рисунки, планы, наброски и т. п. Иначе эти средства наглядности превратятся в дополнительный источник путаницы и недоумений.

Конечно, настоящая наглядность получится только в том случае, если автор владеет элементарной техникой рисунка, обладает точным глазом и верной рукой. В остальных случаях в дневниках появится мазня, степень близости которой к необходимой наглядности или к абстрактной живописи будет зависеть от способностей автора. Но уж это как бог дал.

Всё же есть смысл попытаться.

16. Ясность текста и удобство пользования им сильно повысятся, если текст специально обработать, выделив графически главное (так топографы «поднимают» карту) и связав разбросанные сведения о взаимосвязанных данных системой взаимных отсылок в тексте и на полях. В выделении можно использовать подчёркивание, обведение (овальное, прямоугольное), цветные линии, вынос на поля. Отсылки связывают с

другими страницами дневника, где (раньше и позже) говорится о том же комплексе, указывают номера связанных с ним рисунков, чертежей, фотоснимков, мест в инвентарной описи находок, пакетов упаковки и т. п. Все – в разном (но унифицированном для данного дневника или лучше для данной экспедиции) оформлении.

17. Чем меньше автор будет умничать и оригинальничать в оформлении дневника, чем проще и стандартнее окажется его дневник, тем легче будет читателю.

Конечно, здесь имеется в виду ориентиров-

ка на лучшие, высшие стандарты, а стандартизация не исключает усовершенствований и нововведений. Нужны лишь разумность, продуманность и мера в этом деле.

Новшество вводится лишь в том случае, если с ним лучше, чем без него. Если оно даже равноценно старому, то оно уже хуже, ибо нарушает стандарт без надобности, а значит, затрудняет пользование. Называть ли, например, тетрадь записей «журналом раскопок» или «полевым дневником» – безразлично, но читатель будет спрашивать «полевой дневник» – и давайте оставим это название.

Статья поступила в номер 3 марта 2008 г.